

СЛОВО И МИФ В ТВОРЧЕСТВЕ М. А. ВОЛОШИНА

*Работа представлена кафедрой русской и зарубежной литературы
Стерлитамакской государственной педагогической академии.*

Научный руководитель - доктор филологических наук, профессор И. Е. Карпунин

Цель статьи - обоснование творческой работы над словом и мифом в части литературного наследия Максимилиана Волошина, поэта рубежа веков. Автор статьи исследует сущность слова и мифотворчества, преломляющихся в жизни и деятельности мыслителя. Мифопоэтика и слово являются единым целым, формирующим духовный мир русского художника слова. В статье анализируется архетипичность слова и мифотворчества как неотъемлемых частей духовного становления Волошина.

The article is aimed at forming the background for exploring the word-and-myth creative work as concerns Maximilian Voloshin's literary heritage, the poet whose activity touched both XIX and XX centuries. The author of the article explores the word and myth creation essence, which coexist in the poet's life and activity. Myth poetry and the word appear to represent a single integrity which forms the Russian artist's spiritual world. The article analyses the steady long-standing meaning of the word-and-myth creative work which proves to be an inalienable part of Voloshin's spiritual formation.

В начале было Слово...
(Евангелие от Иоанна 1:1)

Именно слово определяет духовное бытие человека и человечества в целом. Вне слова в различных его ипостасях невозможно представить личность. Целесообразно в этой связи отметить известное суждение А. Ф. Лосева о слове: «Можно сказать, что без слова и имени нет вообще разумного бытия, разумность проявления бытия, разумной встрече с бытием. Пусть вы не верите в магию слова, которой полны все религии всех времен и народов. Но невозможно все-таки, немислимо отрицать могущество и благодать слова, в особенности в наше, пусть позитивистическое, время. Слово - могучий деятель мысли и жизни»¹.

Магия слова в русской литературе - это магия преображения мира, что подтверждает анализ поэзии М. Волошина и русских символистов в целом. Так, М. Волошин, следуя традициям религиозно-мифологи-

ческого мышления, писал: «Слово плоть бысть. Поэзия совершает обратную эволюцию: плоть слова делается словом. Понимание - это инволюция. Творчество - эволюция. Слово - выше действия»².

Таким образом, слово для Волошина имеет логосное начало. Превращаясь в своеобразный творческий акт, оно, тем самым, приобретает черты, по мысли А. Ф. Лосева, мифа, ибо «Миф есть поэтическая отрешенность, данная как вещь»³. Более того, «Миф есть слово о личности, слово, принадлежащее личности, выражающее и выявляющее личность»⁴. Для М. Волошина лик человека, воплощенный в слове, был особенно важен. Под ликом он понимал некий синтетический образ человека, в котором духовные особенности выступают во внешних проявлениях. Именно данная мысль звучит в «Ответе Валерию Брюсову»

(газета «Русь»), где М. Волошин подчеркивал, что читает душу поэта не только «по изгибам его ритмов, по интонации его стиха, по подбору его рифм, но и тому, как сидит на нем платье, как застегивает он сюртук, каким жестом он скрещивает руки и поднимает голову»⁵.

Вне сущности слова понять мифотворчество М. Волошина невозможно. Его творчество есть попытка не просто быть откровенным, но и выразить стремление к самопознанию и преобразению мироздания словом и мифом, в чем ему виделась сущность бытия поэта:

Гаснут во времени, тонут в пространстве
Мысли, события, мечты, корабли...
Я ж уношу в свое странствие странствий
Лучшее из наваждений земли⁶.

Наваждение земли для поэта - слово, становящееся мифом, и миф, ставший сущностным словом, что подтверждается следующим высказыванием М. Волошина: «Видимый мир создан словом Божьим, во истину он только слово. Все вещи, все явления - это лишь видоизменение единого слова, ставшего вещественным»⁷. Другими словами, в мифопоэтическом сознании поэта слово и миф постоянно взаимодействуют и не существуют раздельно.

О ком бы и о чем бы М. Волошин не писал, он творил свой миф как легенду, как представление о жизни, что в полной мере соответствовало идеям тогдашних русских религиозных философов и символистов. По Лосеву, миф «Не выдумка, но наиболее яркая и самая подлинная действительность. Это совершенно необходимая категория мысли и жизни, далекая от всякой случайности и произвола»⁸.

Предвосхищая мнение философа, М. Волошин воссоздает, например, лик Бальмонта в стихотворении «Фаэтон». Он стремится представить жизнь человека именно как мифотворчество, как необходимую суть духовного пути поэта. Так, зная основу бальмонтского мифа о самом себе в стихотворении «Будем как солнце» писал:

**Здравствуй, отрок солнцекудрый,
С белой мышью на плече!
Правь твой путь слепой и мудрый,
Как молитва на мече⁹.**

Мифологичность волошинского слова - это своеобразный путь преобразования мира, что в полной мере соответствует традициям русской культуры. В этой связи следует вспомнить рассуждения известного ученого А. А. Потебни: «Миф есть словесное выражение такого объяснения (апперцепции), при котором объясняющему образу, имеющему только субъективное значение, приписывается объективность, действительное бытие в объясняемом»¹⁰.

Но волошинская мифопоэтика развивалась в контексте не только русской, но и мировой культуры в целом, соответствуя, к примеру, оформленным позднее концепциям о слове и мифе таких известных мыслителей, как Дж. Фрэзер и Х. Г. Гадамер, которые представляли поэтическое слово как миф. Это подтверждается следующими словами Гадамера: «Даже там, где уже нет прочных религиозных традиций и связей, поэтическое мировидение мифично - он изображает живым и деятельным истинно всемогущее действительное».

По мнению Э. Менделевича, изучавшего творчество рассматриваемого нами поэта, «символический метод поэтического мышления Волошина естественным образом вел его к мифологии. А его обостренное чувство истории не давало ему заняться мифотворчеством в духе столь популярного тогда Метерлинка. Волошину требовались уже существующие, так сказать, «реальные» мифы. Символический миф создается из уже созданных реальным мифом своих символов. Для Волошина миф - это выработанная историей идиома, входящая в систему подобных ей идиом. Его поражает емкость этих идиом, которая, даже будучи выяснена в своих причинах, остается удивительной. Для него миф - это интуитивное проникновение в связь явлений.

Миф - всегда прозрение, в нем заключен символ бессмертной правды»¹².

Через слово-миф Волошин стремился постичь путь мгновения в вечном, а вечность в мгновении. Как уже указывалось выше, для поэта «слово плоть бысть», а мгновение - точка соприкосновения слова и бытия, связь между временем и пространством, между землей и вечностью. Об этом сказано в «Апполоне и мыши»: «Единственная связь между временем и пространством - это мгновение. Сознание нашего бытия, доступное нам лишь в пределах мгновения, является как бы перпендикуляром, падающим на линию нашего пространственного движения из сфер чистого времени. Время - вечность, напряженная и вечно движущаяся сфера внутренних интуитивных чувствований...»¹³ Магия мифического слова для Волошина - это акт самовоплощения и самоутверждения, преображение мира. Нелучайно в записных книжках он написал: «Гений слова - Эрос, который руководит переходом от одной ступени на другую. Божество в процессе воплощения носит имя Бога-Слова. "Слово плоть бысть". В этом разоблачается глубокая сущность слова. Слово - это общее понятие, в котором подразумевается воплощение на следующей ступени. Слово - это всегда переход в иную сферу»¹⁴.

В этом смысле Волошин всем своим творчеством призывает воплотить Евангельское слово и евангельский образ, которые немислимы вне мифа, понимаемого Волошиным как реальность. Поэт уверен, что если жить евангельским словом, то оно станет воистину смыслом бытия.

Ветшают дни, проходит человек,
Но небо и земля - извечно те же.
Поэтому живи текущим днем.
Благослови свой синий окоем.
Будь прост, как ветер, неистощим, как море,
И памятью насыщен, как земля.
Люби далекий парус корабля
И песню волн, шумящих на просторе.
Весь трепет жизни всех веков и рас
Живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас»¹⁵.

У Волошина слово выполняет те же функции, что и миф. По мысли известного исследователя мифа Мирчи Элиаде: «Миф всегда имеет отношение к "созданию", он рассказывает, как что-то явилось в мир или каким образом возникли определенные формы поведения, установление и трудовые навыки; именно поэтому миф составляет парадигму всем значительным актам человеческого поведения...»¹⁶ Волошин действительно путем слова создает новую реальность, модель мира и человека, устанавливая тем самым новые формы поведения, облика и лика человека в целом. Для него слово, как и миф, - мера познания вещей, та система ценностей, которая позволяет ему творить по своей воле. Его слово, точно так же, как и миф, проживается всеми нами. Волошинское слово воплощает в себе как присущее мифу интуитивное познание мира, так и логическое сознание его самоценности. Так функции слова и мифа вырастают, соединяясь в мифопоэтику Волошина, где четко разграничены мифологическое время и мифологическое пространство, на что указывает С. М. Пинаев: «Думается, что к творчеству Волошина применим известный афоризм древнего мыслителя: время есть подвижный образ вечности, а вечность есть неподвижный образ времени. Это мифологическая слитность времени и вечности выражена Волошиным уже в стихотворениях из цикла "Когда время останавливается":

Тесен мой мир. Он замкнулся в кольцо.
Вечность лишь изредка блещет зарницами.
Время порывисто дует в лицо.
Годы несутся огромными птицами»¹⁷.

Сам Волошин, осмысливая время и пространство, писал: «Между сферами времени и пространства то же отсутствие соотношений и параллелизма, как между интуитивным знанием и логическим сознанием. Первое постигает изнутри жизненные токи мира, второе - снаружи исследует грани форм»¹⁸.

Таким образом, слово и миф у Волошина - единое целое, то ядро его мифопоэти-

ки, которое составляет основу его духовно-го пути, его стремления преобразить мир, создать новую модель этого мира. Поэт

остается верен осознанию слова как Слова-Логоса, как евангельского слова, как слова-архетипа.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Из ранних произведений. М., 1990. С. 24.
- ² Волошин М. Записные книжки. М., 2000. С. 7.
- ³ Лосев А. Ф. Указ. соч. С. 570.
- ⁴ Там же. С. 579.
- ⁵ Волошин М. Стихотворения. Воспоминания современников. Статьи. М.: Правда, 1991. С. 433.
- ⁶ Волошин М. Избранное. Минск: Мастацкая літаратура, 1993. С. 69.
- ⁷ Волошин М. Записные книжки. М., 2000. С. 146.
- ⁸ Лосев А. Ф. Указ. соч. С. 396.
- ⁹ Волошин М. Стихотворения. Воспоминания современников. Статьи. М.: Правда, 1991. С. 82.
- ¹⁰ Потебня А. А. Слово и миф. М., 1989. С. 25.
- ¹¹ Гадамер Г. Миф и разум // Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1990. С. 99.
- ¹² Менделевич Э. «Пойми простой урок моей земли». Статьи о Максимилиане Волошине. Орел, 2001. С. 22.
- ¹³ Волошин М. Лики творчества. Л.: Наука, 1988. С. 101-102.
- ¹⁴ Волошин М. Записные книжки. М., 2000. С. 107.
- ¹⁵ Волошин М. Стихотворения. Воспоминания современников. Статьи. М.: Правда, 1991. С. 264.
- ¹⁶ Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академ, проект, 2005. С. 24.
- ¹⁷ Пинаев С. М. Максимилиан Волошин или себя забывший бог. М.: Мол. гвардия, 2005. (Серия «ЖЗЛ»). С. 588.
- ¹⁸ Волошин М. Лики творчества. Л.: Наука, 1988. С. 100.